

Геннадий Муриков

**«КОКЕТНИЧАНЬЕ ПЕРЕД БОГОМ»
К 170-летию со дня смерти Н.В. Гоголя**

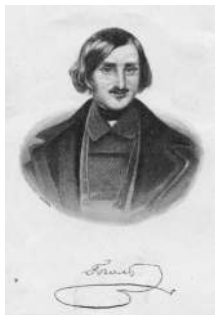
Название этой статьи я взял из сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова), которое, в общем-то, было обращено не к Гоголю, а к некоему Фоме Кемпийскому, автору книги «О подражании Иисусу Христу». Этой книгой в своё время увлекались многие русские литераторы, включая Пушкина и Гоголя. Но официальная церковь относилась к ней, если и не совсем отрицательно, то с предубеждением.

Прежде чем перейти к суждениям о незабываемом Н.В. Гоголе (1.04.1809 – 4.03.1852 по н.с.), сразу отвергнем все высказывания о нём, как знаменитом писателе так называемого критического реализма, якобы разоблачавшего преступный царский режим, которая основной мыслью проходит в книге И. Золотусского о Гоголе (серия ЖЗЛ). На творчество и личность Гоголя нужно смотреть иначе.

Вот что о нём писал его цензор А.В. Никитенко: «Он пишет всё и обо всём: занимается сочинением истории Малороссии и т.д., и т.д. Но там, где он переходит от материальной жизни к идеальной, он становится надутым и педантичным или же расплывается в ребяческих восторгах. Тогда и слог его делается запутанным, пустоцветным и пустозвонным» (запись из дневника 21 февраля 1835 года). А.В. Никитенко считался довольно либеральным цензором и проницательным человеком. Сравним теперь интуитивные предчувствия цензора с написанным самим Н.В. Гоголем в конце жизни: «Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принёс и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданным. Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с царём» (Из статьи «О лиризме наших поэтов» в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»). Множество суждений Гоголя удивляли как его современников, так и наших читателей, особенно по отношению к «любви к царю. От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времён Ломоносова и Державина получила какое-то величественно царственное выражение» (там же).

Нетрудно догадаться, что высказывания такого рода вызывали буквально ненависть у В.Г. Белинского, что особенно ярко проявилось в его знаменитом письме Гоголю из Зальцбрунна, написанном за год до смерти 3(15) июля 1847 года. Белинский, до той поры весьма положительно относившийся к творчеству Гоголя, со злобой писал: «Нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель». Может, Белинский погорячился, потому что, глядя из нашего времени, «Выбранные места...» не представляются таким уж зловредным документом, но некоторые мысли критика напрямую относятся к нашему времени.

Например, Белинский в упрёках Гоголю звучит абсолютно современно, утверждая, что в нашей стране «нет даже и полицейского порядка, а есть только отдельные корпорации разных воров и грабителей». Прошло 170 лет, но можно сказать, что ничего не изменилось.

*Фототипия.
Портрет
Н.В. Гоголя
(с оригинала
Ф.М. Моллера)*

Прежде, чем перейти к дальнейшим вопросам, отметим одну интересную особенность Гоголя, как выходца из Малороссии. Он не всегда пишет по-русски, даже подчёркивая, что он русский человек, иногда как бы оговариваясь. Например, в «Мёртвых душах» есть такая фраза: «Два русских мужика». «Толстой и после него Тютчев, весьма умный человек, тоже заметили, что москвич уже никак бы не сказал: “два русских мужика”. Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая... Я, впрочем, заметила им, что хохлы вас тоже не любят и вас в том же упрекают, как и русские» (письмо А.О. Смирновой Н.В. Гоголю 3 ноября 1844 года).

На это Гоголь ответил ей так: «Я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином» (письмо из и Страсбурга, 24 декабря 1844 года).

Сохранились и письма (листы) Гоголя на так называемом украинском языке.

«Лист (записка) Миколи Гоголя Богдану Залеському. Париж. Лютий 1837 р.

Дуже – дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана щось напало – не то сояшныця, не то завійныця (хай їй присыниться лысый дидько), та тепер, спасибо богови, кажут начей-то пан зовсим здоров. Дай же боже, щоб на довго, на славу усій козацкій землі давав би чернецького хліба усякій болизни и злыдням. Та й нас бы не забував, пысульки в Рым слав. Добре б було, колы б и сам туды колы-небудь прымандрував. Дуже, дуже близькый земляк, а по серцю ще близьчый, чим по землі.

Мыкола Гоголь»¹.

Вместе с тем, по воспоминаниям Г.П. Данилевского Гоголь призывал малороссийских писателей писать только по-русски. При разговоре о творчестве Шевченко, находившегося в то время в ссылке, с присутствовавшим при этом разговоре Бодянским² Гоголь сказал:

«– Дёгтю много, – негромко но прямо проговорил Гоголь, – и даже прибавлю, дёгтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы как наши. Да и язык...»

Бодянский не выдержал, стал возражать и разгорячился. Гоголь отвечал ему спокойно.

– Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, – сказал он, – надо стремиться к поддержке и упрощению одного владычного языка для всех родных нам племён».

Теперь перейдём к самому главному для Гоголя вопросу – вопросу об истинной вере. Что считать истинным христианством и что таковым не считать? То ли враг, то ли друг писателя – известный в то время Ф.В. Булгарин – по поводу вышедшей книги Гоголя «Выбранные места...» написал: «Последним сочинением он доказал, что у него

1. Гоголь Н. В. Письмо Залесскому Б., вторая половина февраля 1837 г. Париж // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937—1952]. Т. 11. Письма, 1836—1841 / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Б. В. Томашевский. — 1952. — С. 88.

2. Бодянский Осип Максимович (укр. ЮсипМаксимович Бодянський [1808 (также встречается — 3 [15] ноября Варва, Лохвицкий уезд, Полтавская губерния, Российская империя — 1877 Москва, Российская империя) — российский учёный: филолог, историк, археограф, один из первых славистов в царской России], писатель, переводчик, редактор, издатель древнерусских, древнеславянских литературных и исторических памятников, фольклорист, поэт-романтик. Бодянский является основателем сравнительного изучения украинского и других славянских языков. В его произведениях приводится обоснование самобытности украинского языка, исследуется его история, фонетика и грамматика. Интернет

есть сердце и чувства, и что он дурными советами увлечён был на грязную дорогу, прозванную нами натуральной школой. Отныне начинается новая жизнь для Гоголя» («Северная пчела», №8, 1847г.).

Выше был приведён отзыв Белинского на выход этой книги, который явно противоположен мнению Булгарина.

Но вот что думал сам Гоголь: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в неё. (...) Право, есть во мне что-то хлестаковское» (Из письма Гоголя В.А. Жуковскому, Неаполь, 6 марта 1847 года). Вот здесь-то мы и сталкиваемся с самым серьёзным вопросом о двусмысленности и мировоззрения, и социальной ориентации Гоголя. Всё это тонко подметил В.Г. Белинский. Ещё до знаменитого разоблачительного письма к Гоголю он писал В.П. Боткину: «Ты решительно не понял этой книги («*Выбранные места...*» – Г.М.), если видишь в ней только заблуждение, а вместе с тем не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь не С. Аксаков. Это Талейран, кардинал Феш¹, который всю жизнь обманывал бога, а при смерти надул сатану» (письмо от 20 февраля 1847 года). В другом месте Белинский упрекал Гоголя в том, что он не исповедует истинно христианское учение, а напротив: «Болезненной боязнью смерти, чёрта и ада веет от вашей книги» (Из письма Гоголю 1847 года). Как ни странно, именно эта мысль легла в основу знаменитого исследования Д.С. Мережковского «Гоголь и чёрт» (1906 год, и «Гоголь» 1909 г.). Гоголь словно интуитивно чувствовал в своей душе некую «чертовщину»

Чего же хотел Гоголь на самом деле? Он отчётливо понимал, что его миссия состоит в литературной деятельности и не в какой другой. Не раз он повторял слова апостола Павла из послания к ефесянам 4:29: «Слово гнило да не исходит из уст ваших». На страницах «*Выбранных мест...*» Гоголь начинает постоянно каяться. Но покаяния его весьма своеобразны, они непрерывно сопряжены с учительством. Например, он даёт указание помещикам, как обращаться с

1. Жозеф Феш (фр. Joseph Fesch; 3 января 1763, Аяччо, Корсиканская республика — 13 мая 1839, Рим, Папская область) — французский куриальный кардинал. Архиепископ Лиона с 31 июля 1802 по 13 мая 1839. Кардинал-священник с 17 января 1803, с титулом церкви Санта-Мария-делла-Виттория с 11 июля 1803 по 2 декабря 1822, in commendam с 2 декабря 1822 по 13 мая 1839. Кардинал-священник с титулом церкви Сан-Лоренцо-ин-Лучина с 2 декабря 1822 по 13 мая 1839. Кардинал-протопресвитер с 12 сентября 1837 по 13 мая 1839. Брат матери Наполеона, возведённый при его содействии в кардиналы и получивший кафедру архиепископа Лионского

крепостными крестьянами: дескать, их надо учить, постепенно воспитывать, но нигде не сказано, что крестьян нужно освободить от крепостного права. Относительно воспитания: «Скажи им, что заставляешь их трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебе деньги на свои удовольствия, и в доказательство тут же сожги перед ними ты ассигнации, чтобы они видели действительно, что деньги тебе нуль, но что потому ты заставляешь их трудиться, что Богом повелено человекам трудом и потом снискивать себе хлеб, и прочти им тут же это в Святом Писании, чтобы они это видели. (...) И всё, что им ни скажешь, подкрепи тут же словам Святого Писания. (...) Мужик это поймёт, ему не нужно много слов, объяви ему всю правду: что душа человека дороже всего на свете и что прежде всего ты будешь глядеть за тем, чтобы не погубил из них кто-нибудь своей души» (Из статьи «Русский помещик»; адресат неизвестен.)

При взгляде из XXI века, да даже из XX, такого рода наставления могут показаться просто глупыми, тем более, если учесть тот исторический опыт, который мы пережили. Обратим внимание вот на что: все, так называемые борцы за христианскую нравственность и за якобы свободу, почему-то были весьма состоятельными помещиками и отнюдь не стремились освободить своих крестьян. Все декабристы были крепостниками; властитель дум того времени А.И. Герцен, «разбуженный декабристами», жил в Англии на доход от своих имений, и даже Гоголь, помещный, хотя и небогатый, дворянин, имел 80 душ крепостных, не помышляя об их освобождении.

Поражают и суждения Гоголя такого рода: «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! а доказательства в наше время». (Из письма Гоголя М.П. Погодину 1 февраля 1833 года). Если следовать этой логике, то окончательными идиотами нужно считать лиц царствующего дома. Однако тот же Гоголь, десять лет спустя, пишет так: «По выходе книги (*«Выбранные места...»* – Г.М.) приготовь экземпляры и поднеси всему царскому дому до единого, не выключая и малолетних – всем великим князьям: детям наследника, детям Марьи Николаевны, всему семейству Михаила Павловича¹». (Из письма Гоголя П.А. Плетнёву. Франкфурт 20 октября 1846 года).

Одна из характерных черт Гоголя – его постоянные жалобы на здоровье. Это начиналось с юных лет и продолжалось всю его жизнь. Между тем, он никогда и ничем серьёзным не болел и даже умер вовсе не от болезни. Возникает (у многих комментаторов) естественный вопрос, а не притворство ли это, не желание ли играть и сыграть роль мученика? Как всегда, ответа нет.

1. Михаил Павлович (1798-1849) – брат Николая I.

Что-то роднило Гоголя с художником А. Ивановым. Так, в статье «Исторический живописец Иванов он писал: «Один раз я очутился в городе, где не было почти ни души мне близкой, без всяких средств, рискуя умереть не только от болезни и страданий душевных, но даже от голода». В апреле 1837 года он отправил письма Николаю I и Жуковскому и “спасён был” царём, который начертил на письме распоряжение выдать Гоголю 5000 рублей (500 золотых червонцев). «Неожиданно ко мне пришла от него помощь... эта помощь подняла меня вдруг». За вычетом «10% в пользу увечных» полученная сумма позволила ему полтора года жить в Италии. Письма Гоголя к друзьям переполняют чувства признательности и восторга! «Он подал мне помощь в самую трудную минуту жизни, за это я не заплатил ещё ничем» (письмо Плетнёву, 1837 г.).

Однако благодеяния Гоголю от царского двора этой суммой не ограничились: в 1843 году ещё одно пособие – 1000 рублей – было получено от императрицы, а в 1843 году ему был назначен трёхгодичный пансион по тысяче рублей от государя, столько же добавил от себя и наследник престола. Вот что значит своевременно передать в подарок государыне через В. Жуковского вышедшую книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки». Разумеется, это не могло не вызывать раздражения у Белинского, хотя он, вероятно, не знал обо всех этих фактах.

Но в чём же была истинная вера Гоголя? Мне кажется, что в чём-то Гоголь был близок к учению позднего Льва Толстого. Лев Толстой создал определённую секту, которую так и называли – толстовство. Но Гоголь к этому не стремился, хотя его искания в области христианской, особенно православной религии были очень близки к сектантству. Сначала обратимся к стихотворению Н.М. Языкова «К ненашим», одному из самых любимых Гоголем.

*...Вам наши лучшие преданья / Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья / Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша./ Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша – / Ничто вам! (...)*

Обращаясь к своим оппонентам, Гоголь утверждал: «Ваши мысли все ложны. Вы не любите России, вы предатели её». (Из письма Н.М. Языкову, Франкфурт, 5 апреля 1844 года).

Ещё и ещё раз обратим внимание на двойственность позиции Гоголя по всем вопросам, кроме одного – его стремления к вероучительству. Вот очень странное, так называемое духовное

завещание писателя. Выше подчёркивалось, что Гоголь, помещик – крепостник, в чём-то даже похожий на Чичикова, перед смертью делает такое назидание: «Служивших мне людей наградить. Якими отпустить на волю. Семёна также, если он прослужит лет десять графу». Современному читателю завещания такого рода кажутся просто дикими, особенно перед тем, как целая книга «Выбранные места...» была посвящена рассуждениям о боге и совести, об истине и лжи. Например: «Я не совращался с своего пути. Я шёл той же дорогою. Предмет у меня был всегда один и тот же, предмет у меня был – жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в её действительности, а не в мечтах воображения, и пришёл к Тому, Кто есть источник жизни». (Из статьи «Авторская исповедь»).

Однако он не совсем пришёл. «Я никакой новой науки не брался проповедовать, – говорит он» (там же). Однако проповедует. В статье «Правило жития в мире» он прямо говорит: «Любить Бога следует так (...)». А откуда Гоголь знает, как надо любить Бога, и вообще, совместимы ли понятия обязательства и любви? Он что отдаёт приказ? Это странно. Через несколько строчек он пишет, что нельзя «огорчить» Бога. Что же это за Бог такой, вседержитель и правитель всей вселенной, которого какой-то Гоголь или его друзья могут «огорчить»? Явно здесь что-то не то. Гоголь занялся сектантской проповедью, которая, как известно, до добра его не довела. А буквально через несколько лет тем же самым занялся и Лев Толстой, создатель секты толстовства.

Почему-то у многих русских писателей возникает желание нравоучительства, которое переходит в форму сектантства. Мне кажется, что это связано с неполной убеждённости в церковном вероучении. Позже об этом много писали символисты, да и что говорить, некое большевистское вероучение больше семидесяти лет было главным на территории России и многих стран мира. Гоголь начал «заигрывать» и «кокетничать» с официальным богословием, а получилось то, что получилось.

Санкт-Петербург 19.04.2022 г.

**Подписаться на журнал «На русских просторах»
можно в «УРАЛ-ПРЕСС». ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС**

43368
